УДК 330
JEL: N
DOI: 10.17238/issn1998-5320.2021.15.2.29

Е. А. Орлянский[1]
[1]Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Традиционная рыночная экономика и её антициклический потенциал в оценках исследователей XIX–XX веков

Аннотация. В статье рассматривается первый этап рыночной хозяйственной системы – традиционная рыночная экономика. Традиционная рыночная экономика рассматривается в оценке её основных исследователей. Главная цель исследования состоит в выявлении основных характерных черт и признаков традиционной экономики, которые бы объясняли отсутствие в ней ярко выраженных циклических элементов. Предполагается, что несколько существенных элементов такой экономики несут в себе сильнейший антициклический потенциал. В статье используется методология сравнительного анализа, которая поможет найти точки соприкосновения у наиболее известных исследователей традиционной рыночной экономики. Исследование традиционной рыночной экономической системы производилось в контексте преодоления стереотипа о замкнутом развитии хозяйственных процессов и невозможности влияния на них неэкономических факторов. Это подтверждается тем, что большинство антициклических элементов традиционной рыночной экономики происходят из духовно-этической сферы. При этом составной частью статьи является позиция, что данная экономическая система сохраняет в себе все характерные черты именно рыночной экономики. Традиционная рыночная экономика практически не испытывала циклических тенденций в своём развитии. Это было обусловлено тем, что эта хозяйственная система (оставаясь рыночной по сути) содержала в себе встроенные элементы, которые обеспечивали отсутствие в традиционной экономике как самой цикличности, так и периодических циклических кризисов.

Ключевые слова: экономика, рыночная экономика, традиционная рыночная экономика, хозяйственная система, цикличность, «идея пропитания», труд, духовность, этика.

Дата поступления статьи: 6 апреля 2021 г.

Для цитирования: Орлянский Е. А. (2021) Традиционная рыночная экономика и её антициклический потенциал в оценках исследователей XIX–XX вв. // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 15. № 2. С. 238–248. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2021.15.1.1.

Проблема и цель. Многие современные учебники по экономической теории в плане периодизации экономической истории склонны выделять традиционную экономику как отдельный этап [1, с. 48]. Этот этап представляет актуальный интерес для современных исследователей в силу того, что он отличался в первую очередь отсутствием циклических кризисов.

Думается, что этот этап более правильно называть «традиционной рыночной экономикой», которая предшествует нынешнему этапу «современной рыночной экономики». Это обусловлено тем, что под термином «рыночная экономика» мы будем понимать систему хозяйственной деятельности, которая основывается на следующих принципах:

1) разделение труда и товарно-денежные обменные отношения;

2) использование принципа самовозрастания ценности, что влечёт за собой наличие таких явлений как капитал, прибыль, торговля;

3) ведущая роль конъюнктуры рынка при принятии хозяйственных решений.

Можно сказать, что рыночная экономика появляется тогда, когда процесс разделения труда заходит достаточно далеко и стадия обмена становится неизбежной стадией товародвижения, опосредуя взаимосвязанный процесс между производством и потреблением. Т. е. появление рыночной экономики связано с осознанием проблемы аллокации как проблемы глобальной ограниченности ресурсов на фоне безграничных потребностей индивидов. Т. е. все эти принципы были реализованы уже на этапе «традиционной рыночной экономики». Именно поэтому можно считать эту систему вариантом рыночной экономики. В дальнейшем, мы постараемся показать, какие именно черты традиционной рыночной экономики несут в себе антициклический потенциал.

Начало перехода от традиционной к современной рыночной экономике можно отнести к

XVII в., а завершение – к XIX в. Главным критерием этого рубежа считается такой важнейший отличительный признак традиционной рыночной экономики, как мощный фактор влияния на хозяйственные процессы в виде комплекса духовно-этических норм религиозного характера. Эти нормы ограничивали распространение так называемого экономического образа мышления. Понятие экономического образа мышления хорошо раскрывает автор книги с одноименным названием Пол Хейне. Его произведение отличается необыкновенной откровенностью в обосновании доминант современной рыночной экономики (для текущего периода характерно всё же некоторое стремление к завуалированности этих моментов). Он указывает, что «техника мышления» это «некая предпосылка о том, чем человек руководствуется в своем поведении». И далее называет эту предпосылку: «За удивительно редкими исключениями экономические теории строятся, опираясь на вполне определённую предпосылку, что индивидуумы предпринимают те действия, которые, по их мнению, принесут им наибольшую чистую пользу (net advantage)» [2, с. 23]. Именно в этом, думается, заложена идеологическая основа антициклического потенциала данной системы, поскольку именно идеология безудержного стремления к «наибольшей чистой пользе» создаёт фундамент нестабильности в экономике.

Традиционную рыночную экономику изучало не так уж много серьёзных авторов. Так, представители мейнстрима (к нему обычно относят классическую теорию, маржинализм и их симбиоз в виде неоклассической теории) фактически оставили этот аспект без внимания (если не брать во внимание описательные исторические экскурсы Адама Смита). Так получилось, что наиболее серьёзный анализ традиционной экономики сделали немецкие экономисты. Первенство здесь надо, безусловно, отдать последнему яркому представителю исторической школы Вернеру Зомбарту (что неудивительно, поскольку именно он вошёл в историю экономической мысли именно как исследователь генезиса современной рыночной экономики). Также следует отметить исследования немецкого социолога Фердинанда Тенниса и австро-венгерского экономиста Карла Поланьи, испытавшего сильнейшее влияние немецких экономической, исторической и социологической школ [3].

Историческая школа Германии (Вернер Зомбарт, как известно, является представителем её «третьей волны» и, по существу, последним её ярким представителем) как направление развития экономической мысли появилась в момент, когда усиленно формировались основы новой рыночной экономической системы, которая приходила на смену традиционной экономике. Закономерности, положения, категории и дефиниции исторической школы были тесно связаны с этим процессом. Более того, в рамках исторической школы были предложены объяснения этого процесса [4].

Вернер Зомбарт, наверное, был главным исследователем традиционной рыночной экономики как хозяйственной системы. Он подчёркивает даже её своего рода гуманистический характер. Ведь, по мнению Зомбарта, в её центре стоит «естественный» человек: «Докапиталистический человек – это естественный человек. Человек, который еще не балансирует на голове и не бегает на руках (как это делает экономический человек наших дней), но твердо стоит на земле обеими ногами и на них ходит по свету. Найти его хозяйственный образ мыслей, поэтому, нетрудно: он как бы сам собой вытекает из человеческой природы» [5, с. 15]. Главным мотивом экономической деятельности такого человека было не стремление к максимизации доходов или полезности (как это считается в теориях мейнстрима), а удовлетворение нормальных («естественных») потребностей. В теории Зомбарта стремление к удовлетворению потребностей получило название «идея пропитания» [5, с. 17]. «Идея пропитания» была определяющим стимулом развития всей традиционной рыночной экономики. Причём это развитие было кумулятивным в том смысле, что эти потребности людей были плоть от плоти результатом сформированных традиций и постоянно ими воспроизводились. Воспроизводились потребительские стандарты, за которые выйти индивидууму было практически невозможно. Это касалось не только крестьян или ремесленников, но и социальных слоёв, непосредственно не занятых в экономике. «Сама потребность в благах не зависит от произвола индивидуума, но приняла с течением времени внутри отдельных социальных групп определенную величину и форму, которая теперь уже рассматривается как неизмен-

но данная» [5, с. 15–16]. Причём стоит отметить, что потребности разных социальных групп создавали достаточно гармоничную и устойчивую систему хозяйствования. Повышенное потребление светской и духовной знати создавало значительный рынок сбыта и позволяло развиваться производственной сфере [6].

Важно отметить ещё и стабилизирующий характер этой системы. Стабилизирующий характер проявлялся двояко. С одной стороны, традиционный характер потребностей гарантировал отсутствие их резких колебаний. С другой стороны, стабильность потребления обеспечивала стабильность производства и торговли. Всё это, в свою очередь, обеспечивало стабильность доходов. Монетарная часть спроса тоже практически не менялась, и это обеспечивало его практически постоянное совпадение с предложением. С этого начинается экономическая часть антициклического потенциала традиционной рыночной экономики. Даже сейчас мы можем встретить примеры этого в постколониальных экономиках, где расширение производства (и применение новых технологий) стимулируется только ростом населения и соответствующим увеличением потребностей [7].

С другой стороны, традиционная рыночная экономика имела все атрибуты реального рынка. Производители той эпохи прекрасно осознавали такие понятия как прибыль, рентабельность, добавленная стоимость и пр. – все те элементы, которые в современной экономики порождают импульсы нестабильности и создают основы циклического развития. Но в мире господства традиции они такой роли не играли. Они исполняли роль вспомогательных стимулов хозяйственной деятельности, которые имели смысл только в той мере, в какой способствовали реализации идеи пропитания. Но они никак не могли стать доминирующими целями экономики, вытесняющими потребности человека. Причиной этого было то, что экономический механизм стабилизации дополнялся духовным механизмом. Этим механизмом стала религиозная хозяйственная этика.

Так, И. Шафаревич отмечал, что все проявления доминирования чисто экономических мотивов хозяйственной деятельности (процентные операции, демпинг, конкуренция на вытеснение, агрессивная реклама) «считались нехристианскими (unchristlich)» [8, с. 100]. Зомбарт, показывая этот принцип, приводит выдержку из регламентационного документа времён Священной Римской империи Германской нации «Реформации Сигизмунда»: «Если вы хотите услышать, что повелевает имперское право, то наши предки были не дураки – ремесла придуманы для того, чтобы каждый ими зарабатывал свой хлеб насущный, и никто не должен вмешиваться в чужое ремесло; этим свет прогоняет свою нужду, и каждый может прокормиться» [5, с. 18]. Это была своеобразная духовная блокировка импульсов резкого изменения объёмов спроса и предложения, которые лежат в основе циклических колебаний.

Кроме того, религиозная хозяйственная этика не оставляла места господству денежной оценки производимых ценностей. Монетарный эквивалент материальных благ был весьма условный. Доминировала качественная оценка, которую также можно считать элементом духовной сферы. Так, Зомбарт писал: «... недостатку счетных навыков соответствует, с другой стороны, чисто качественное отношение хозяйствующих субъектов к миру благ. Производят (если употреблять современную терминологию) еще не меновые ценности (определенные чисто количественно), но исключительно потребительские блага, т. е. качественно различаемые вещи» [5, с. 21]. Это признаёт и второй представитель третьей волны немецкой исторической школы – современник, друг и оппонент Зомбарта Макс Вебер: «... свое назначение и оправдание находит в области ремесленного производства в абсолютном качественном совершенстве продукта. Она далека от мысли о рационализации способа производства, которая лежит в основе всей современной рациональной техники, или систематизации функционирования предприятия, превращая его в рациональное, направленное на получение прибыли, хозяйство» [9, с. 109]. И это также препятствовало резким колебаниям объёмов выпуска.

«Традиционность» этой экономики приводила к тому, что в ней доминирующим фактором становилась консервативность. Экономические показатели сами стали элементами традиции и с трудом подвергались изменениям. Особенная прочность этих «экономических традиций» базировалась на том, что они в конце концов стали зависеть от человеческой психологии, которая является, как из-

вестно, весьма консервативным элементом. Зомбарт писал: «Мы должны ясно представлять себе, что это традиционное поведение есть поведение всех вообще естественных людей и что оно вполне господствовало во всех областях культуры в прежние времена истории человечества – по причинам, которые надлежит искать в самой природе человеческой и которые все, в конечном счете, коренятся в сильном стремлении человеческой души к постоянству» [5, с. 23].

Из данной естественной традиционности вытекает и различная нравственная оценка разных видов хозяйственной деятельности. Положительная оценка даётся ремеслу и сельскому хозяйству. Как пишет Фердинанд Теннис, «всякое искусство, по природе своей, подобно сельским и домашним занятиям, относится к области теплого, мягкого и влажного, т. е. органически живого, и именно поэтому естественно-женского труда, и относится, следовательно, к общению (gemeinschaftlich 1st). Общение, в свою очередь, преобразует и неприятный труд в род искусства, сообщая ему стиль, достоинство и прелесть и вводя его в известный ранг, как почетную профессию» [10, с. 61]. «Почётным» профессиям противопоставляется занятие «со знаком минус» – торговля. Торговле, по мнению Тенниса, изначально присуща определённая аморальность в глазах традиционного общества. Он указывает: «Конечно, торговля, как и всякий другой промысел, может вестись честно и добросовестно. Но чем более она планомерна, т. е. чем шире она поставлена, тем более она ведет и соблазняет к хитрости и лжи, как к действительным, большей частью, средствам для достижения высоких прибылей или для покрытия убытков» [10, с. 62]. Масса населения рассматривает торговцев как социально чуждый элемент, который отличается и иным образованием, и иным кругозором, и, наконец, иным набором духовно-нравственных установок относительно обычаев и традиций. Тот же Теннис указывает: «Во всякой первобытной, туземно-оседлой культуре торговля представляет чуждое и часто ненавистное явление» [10, с. 65]. Торговля для Тенниса есть главный пример рассудочных отношений, которые нарушают естественные отношения. Она возникает не из естественных потребностей человека, выраженных у Зомбарта «идеей пропитания», а из «неестественного» желания обогащения. Она не должна выходить за определённые масштабно ограниченные рамки чисто утилитарного характера. Исследования традиционной экономики современных замкнутых этнических групп подтверждают этот вывод [11]. Это же подтверждается и исследованиями современной рыночной экономики, встроенной в традиционные социокультурные рамки [12].

Что касается духовной оценки хозяйственной деятельности вообще, то в традиционном обществе она действительно не слишком положительна и, во всяком случае, абсолютно не соответствует современной, порой апологистической, оценке. Зомбарт указывает, что «нет ни следа любви к хозяйству или к хозяйственному труду. Люди относятся к хозяйственной деятельности примерно так же, как ребенок к учению в школе, которому он, конечно, не подчиняется, если его не заставят» [5, с. 22]. Отсюда и медленный темп хозяйственной деятельности, и большое количество праздников в календарном году, не допускавших трудовой деятельности. Зомбарт, опять же, подчёркивает, что «продолжительность производственного периода определяется двумя моментами: требованиями, которые ставят делу хорошее и солидное исполнение, и естественными потребностями самого работающего человека» [5, с. 22–23]. В традиционных сегментах современного общества тоже часто встречается предпочтение традиционного объёма производства при удовлетворении естественных потребностей даже в ущерб росту доходов [13].

В качестве исторических примеров успешной реализации основополагающих принципов традиционной экономики при определённой территориальной локализации Зомбарт приводит функционирование средневековых городов (Ганза, Италия и пр.). Зомбарт указывает, что в качестве идеологической основы экономической политики средневековых городов использовалась та же «идея пропитания». Он пишет: «Целью этой искусной системы регулирующих норм и направляющих мероприятий, которая представляет хозяйственную политику средневековых городов, было следующее: доставить “пропитание” этой общине, как некоему целому» [14, с. 121]. На пути реализации этой цели применялся целый комплекс мероприятий, которые позднее получили название протекционистских мероприятий. Конкретизируя эти мероприятия, Зомбарт

называет насильственный пропуск торговых караванов через городские торговые площади (чтобы удовлетворить спрос местных жителей до начала закупок профессиональными купцами), монополию горожан на закупки сельхозяйственной продукции у местных крестьян, запрет на ремесленное производство в окрестных сёлах, монопольную власть цеховых структур при ограничении выпуска и реализации продукции каждого конкретного цеха [14, с. 121–122]. Последнее положение имело особое значение для реализации «идеи пропитания». Этим ограничением не допускался захват одним цехом рынков другого цеха. Фактически данное ограничение носило антиконкурентный характер. Этому способствовало не только прямое ограничение производства и сбыта, но и ограничение в количестве ресурсов (фиксация числа подмастерьев и учеников у одного мастера, равные условия закупки сырья для разных цехов и т. п.). Характеризуя систему меркантилизма, Зомбарт отмечает, что «меркантилизм является не чем иным, как экономической политикой города, распространенной на более широкую территорию».

Вернер Зомбарт попытался выявить и основные элементы духовного начала традиционной экономики (т. е. фактически её хозяйственной этики). Духовное начало является, по Зомбарту, интегративным фактором по отношению к различным отраслям хозяйственной системы. Касательно традиционной рыночной экономики, Зомбарт выделяет три элемента такой идеи. Два первых элемента мы упомянули выше. Во-первых, это «отношение к цели хозяйственной жизни». Для традиционной рыночной экономики этой целью является всё та же «идея пропитания», т. е. «создание предметов потребления для себя». Во-вторых, «это образ действия при выборе средств». Традиционный «образ действия при выборе средств» Зомбарт характеризует следующим образом: «Традиционно человек ведёт хозяйство, если он пользуется унаследованными средствами хозяйствования лишь потому, что они им унаследованы. Это был обычный (исторический) способ, т. е. наиболее долго применявшийся хозяйствовавшим человеком» [14, с. 64].

Наконец, Зомбарт выделяет и третий элемент идеи традиционной системы, которого мы ещё не касались. Это «отношения отдельных лиц между собой». В традиционной рыночной экономике отношение хозяйствующим субъектов между собой, по Зомбарту, базируется на принципе солидарности. Реализация этого принципа выглядит следующим образом: «хозяйствующий человек чувствует себя не обособленным, а членом большой общины. Его деятельность определяется не только его личным интересом, но вместе с тем принимаются во внимание интересы остальных лиц и группы, к которой он принадлежит» [14, с. 65].

Близка к идеям Зомбарта и трактовка традиционной экономики Карлом Поланьи. Поланьи также отмечает, что традиционной экономике чужд примат чисто экономических детерминант в хозяйственной деятельности. Наоборот, они имеют второстепенное, подчинённое значение. Так, Карл Поланьи указывает: «Недавние изыскания историков и антропологов привели к замечательному открытию: экономическая деятельность человека, как правило, подчинена общей системе его социальных связей» [15, с. 58]. И далее: «Возьмем, к примеру, племенное общество. Экономические интересы отдельного человека редко выходят в нем на первый план, ибо племя спасает всех членов от голода, пока оно само не станет жертвой какого-то бедствия, – но и в этом случае интересы племени подвергаются опасности не в индивидуальном, а в коллективном плане» [15, с. 58–59]. И в традиционных обществах современного мира родовые отношения до сих пор сильны и могут опосредовать даже новые формы хозяйствования [16].

Все основные базовые принципы функционирования традиционной рыночной экономики, выделяемые Поланьи, перекликаются с принципами, выделенными тем же Зомбартом и другими, более ранними, исследователями. Известно, что Поланьи выделял три таких принципа. Первый из них, принцип «взаимности», означал примат факта взаимной семейной ответственности как один из важнейших стимуляторов экономической деятельности. Семейные отношения и порождаемые ими соответствующие ценности являются основой традиционного общества и определяют целевые установки любых видов деятельности. Причём это пронизывает все уровни общества, от моногамной семьи до государства (недаром, государственная идеология в таком обществе неизбежно содержит патерналистские элементы). В экономическом смысле прин-

цип «взаимности» соответствует той же «идее пропитания». Мужчина, как глава семейной ячейки, стремился через свою хозяйственную деятельность обеспечить естественные потребности членов этой ячейки. Психологические установки чётко фиксировали эту мотивацию и не позволяли ей поменяться на другую. Такой status quo поддерживался соответствующей общественной моралью. Кроме того, до поры это поддерживалось и объективными факторами, такими, как уровень производительности ресурсов, который не позволял сильно расширить объём предложения за пределы, обозначенные «идеей пропитания». Здесь проявляются, опять же, два основных феномена традиционной рыночной экономики, отмеченные экономистами исторической школы: примат духовных факторов над «чистым экономизмом» и примат интересов коллективных субъектов над индивидуумом. Второй принцип развития традиционной рыночной экономики, по Поланьи, «перераспределение». Имеется в виду фактически распространение принципа «взаимности» с уровня семейной ячейки на уровень племени, а затем и государства. Т. е. если вождь племени или правитель государства перераспределяет материальные ценности, созданные его подданными, то делает это он не в соответствии с экономическими принципами (адекватно затраченным усилиям каждого производителя), а руководствуясь совершенно иными мотивами. И если этот руководитель адекватен, то распределять ценности он будет исходя из главной рациональности – соображений выживания племени или страны как обособленного коллективного субъекта. Поэтому, например, лучшая часть этих ценностей доставалась жреческой касте, которая играла едва ли не главную роль в сохранении целостности этого коллективного субъекта: она обеспечивала ощущение важности принадлежности конкретного индивидуума к данному коллективному субъекту и невозможности его сепаратного существования. Очевидно, что экономически эту деятельность оценить вряд ли представится возможным.

Наконец, третий принцип Поланьи, принцип «домашнего хозяйства», венчает обоснование этих феноменов. Выдвигая этот принцип, Поланьи основывается на знаменитой Аристотелевской дихотомии экономики и хрематистики. Под домашним хозяйством Поланьи понимает то же самое, что Аристотель понимал под «экономикой» – хозяйственную единицу, мотивированную «идеей пропитания». Эта единица движется одной хозяйственной мотивацией – необходимостью обеспечить удовлетворение естественных потребностей. Мотивация максимизацией прибыли здесь невозможна в принципе. Отголоском этого в современном мире может быть тот факт, что в фермерстве Кении основная часть продукции используется для пропитания самих производителей, а не для рыночной торговли. А большая часть монетарных доходов этих фермеров формируется не от основной деятельности, а например, от инвестирования [17].

Этой же предпосылки (примата духовно-этического элемента над экономическим в традиционной системе) придерживается Поланьи, когда говорит о генезисе современной рыночной экономики. Он выдвигает мнение, что возникновение современной рыночной экономики имеет отправную точку в виде внешней торговли, потому что эта торговля идёт далеко от родины торговца и позволяет ему игнорировать её этические нормы в пользу реализации чисто экономических устремлений и мотивов. Так, Поланьи пишет: «Важнейшая особенность этой доктрины (имеется в виду теория Торнвальда, с которой Поланьи соглашается. – О. Е.) – тезис о возникновении торговли в некоей внешней сфере, не связанной с внутренним хозяйственным укладом данного общества» [15, с. 72]. В то время как внутренняя (локальная, местная) торговля была подчинена этическим нормам традиционного общества, мешавшим развивать то, что мы сегодня называем «экономическим способом мышления». Поланьи указывает: «Сдерживающие факторы порождаются буквально всеми социальными институтами: обычай и закон, религия и магия в равной мере способствуют конечному результату, а именно ограничению актов обмена в отношении лиц и предметов, времени и поводов. Тот, кто совершает акт обмена, как правило, действует в строгом соответствии с ритуалом, в котором и сами предметы, и их эквиваленты определены заранее» [15, с. 74].

Еще один аспект традиционной экономики отмечает современный перуанский экономист Эрнандо де Сото. Он показывает, насколько большое значение для этой системы имеет тра-

диционное право, основанное не на формальной кодификации всех аспектов производства и присвоения, но на обычаях и традициях. Именно это препятствовало превращению инвестиционной капитализации в кумулятивный процесс, когда целью хозяйственной деятельности является не удовлетворение потребностей, а максимизация прибыли как таковой. Рассматривая экономическую историю освоения Северной Америки, он отмечал, что «большинство колонистов, однако, мало смыслило в деталях английского права. Многие не знали, да и не хотели знать различий между судебными предписаниями обычного права и права справедливости» [18, с. 115]. Де Сото поясняет, что влияние этических институций привело к возникновению двух ветвей английского права: обычного права и права справедливости [18, с. 115]. Последнее именно и основывалось на традиционных этических понятиях здравого смысла, справедливости (в русском эквиваленте – совести). При этом одну из ведущих ролей в деятельности этого права играла церковь. Примечательно, что её функции распространялись гораздо шире непосредственно церковного поля: «Юрисдикция церкви распространялась не только на дела, связанные с церковной собственностью, брачно-семейными отношениями, завещаниями, с такими преступлениями, как ересь, богохульство и пр. Она стала вторгаться и в чисто светские дела, например в споры по договорам, по искам о “нарушении обещания”, на том основании, что имел место грех “неоправдавшегося доверия” ...» [18, с. 122]. При этом процесс интеграции традиционного и нормативного права носил очень длительный и сложный характер и продолжался вплоть до периодов, которые мы привыкли считать периодами развитой современной экономики. Так, де Сото приводит в качестве примера деятельность швейцарского юриста Эйгена Губера, который только в начале XX в. «привел римские по происхождению официальные законы Швейцарии в соответствие с обычаями, правилами и поведением, принятым в сельских поселениях, в больших и малых городах страны» [18, с. 176]. Причём следует обратить внимание на иерархическую соподчинённость этих элементов права. Именно официальное право приводилось в соответствие с традиционными этическими институциями. Де Сото отмечает, что подобная ситуация наблюдалась и в американской экономической истории. Противоречие между принципами канонического и традиционного права де Сото видит в противостоянии официальной судебной системы и практики самовольного захвата новых земель поселенцами. Это он называет «столкновением правовых систем». Впоследствии традиционное право было частично инкорпорировано в системы официального законодательства и фактически растворилось в нём. И только после этого, согласно мнению де Сото, стал возможен переход к современной рыночной экономике.

Таким образом, закрепление всех этих признаков исторической традицией завершает формирование антициклического потенциала. Это привело к тому, что циклических кризисов перепроизводства в мировом масштабе не было до начала XIX в.

При этом надо ещё раз подчеркнуть, что все названные исследователи традиционной рыночной экономики ни в коем случае не пытались показать её примитивность, отрицая наличие в ней принципов рациональности при ведении хозяйства и использовании производственных ресурсов. Зомбарт, например, показал наличие элементов современной рыночной экономики уже в эпоху меркантилизма (тем более что они насаждались государством). В данном случае Зомбарт оговаривает неправильность полного исключения элементов рационализма из хозяйственной жизни традиционной рыночной экономики таким образом: «... указанное здесь отличие, которое резко отделяет прежнее хозяйство от “современного” – это только отличие субъективное. Противоположность между хозяйством традиционным и рациональным не предрешает степени достижения объективной рациональности, для которой требуется масштаб, лежащий вне пределов индивидуального решения того, кто ведет хозяйство, и чуждый субъективно намеченной цели» [14, с. 58].

Это идёт вразрез с позицией современного «мейнстрима» экономической теории. Он, претендуя на теоретическое обоснование современной рыночной экономики, пытается обосновать её «родовые» принципы. К таким принципам относят примат доходности в хозяйственной деятельности, наличие таких явлений, как капитал (в качестве самовозрастающей ценности),

денежный оборот, максимизация прибыли и минимизация издержек и т. п. На этой же позиции находилась, например, марксистская теория. Маркс вообще считал наличие прибыли как целевой установки хозяйственной деятельности признаком исключительно капиталистической формации (в тогдашней терминологии, т. е. современной рыночной экономики в нынешнем понимании). Среди исследователей традиционной рыночной экономики это вызвало неприятие. Наличие прибыли, наёмного труда, капитала, производства на продажу признавали в традиционной экономике, по словам И. Шафаревича, например, Э. Мейер, М. Вебер, и М. Ростовцев [8, с. 98]. Тот же Зомбарт отмечал, что в эпоху меркантилизма (т. е. в период пика традиционной экономики) уже зарождались принципы, которые мы привыкли считать присущими современной рыночной экономике (сам Зомбарт тоже называл её «капитализмом»). Этим принципом, например, был принцип доходности. Зомбарт писал: «... третья группа мероприятий, входивших во внутреннюю политику меркантилизма (первая – установление единообразия условий хозяйственной деятельности в стране, вторая – ликвидация внутренних ограничений производства и коммерции. – О. Е.), имела целью поощрение капитализма во всех областях. Я понимаю под этим такую политику, которой все усилия правительства направлены к тому, чтобы вызвать к жизни частнохозяйственную деятельность, или сделать ее там, где она существовала, доходной или более доходной» [14, с. 125]. Таким образом, по Зомбарту, наличие принципа доходности не противоречило «идее пропитания» и не могло служить водоразделом между традиционной и современной рыночной экономикой.

Выводы. Таким образом, на основании вышесказанного можно выделить следующие характерные признаки традиционной рыночной экономики, несущие в себе антициклический потенциал.

1. Традиционная рыночная экономика не была экономически детерминированной системой. Это выражалось в том, что хозяйственная этика, исполняющая функцию мотивационной системы по отношению к конкретной хозяйственной деятельности, была ориентирована совсем на иные детерминанты, лежащие за пределами самой экономики. Все основные исследователи традиционного хозяйства (В. Зомбарт, Ф. Теннис, К. Поланьи) приводят массу доказательств этого. Так, в первую очередь это та же «идея пропитания» как ведущий мотив хозяйственной деятельности. Экономически детерминированным мотивом была бы максимизация дохода (для производителя) или максимизация потребительских ценностей (для потребителя). Эти мотивы являются самодостаточными и ничем более не обоснованными, поскольку ничем логическим они обоснованы быть и не могут. «Идея пропитания» же обоснована тем, что хозяйственная деятельность обеспечивает материальные условия, для того чтобы индивидуум мог исполнять свою социальную роль, необязательно связанную с той же хозяйственной деятельностью. Кроме этого, можно отметить доводы того же Зомбарта о том, что в традиционной системе трудовая этика ориентирует производителя не столько на экономический результат, сколько на технический процесс производства, а общественные моральные установки ограничивают уровень потребительской активности, причём этот уровень сильно отличается в зависимости от конкретного социального слоя. Фердинанд Теннис доказывал, что традиционная экономика не приемлет принцип современной экономики о принципиально равной приемлемости любых доходов, который базируется на идее равнозначности всех видов экономической деятельности. Карл Поланьи, к тому же, показал как неформальная этическая регламентация традиционного хозяйства фактически не оставляла места для проявления экономически детерминированных стимулов к хозяйственной деятельности. Наконец, Эрнандо де Сото рассмотрел вопрос о длительном и глубоком влиянии традиционных представлений на правовую систему, что выразилось, например, в функционировании долгое время в Англии так называемого «права справедливости». Вот этот комплекс факторов и обеспечивал относительную устойчивость традиционной рыночной экономики и делал невозможной современную цикличность с её кризисами.

2. Несмотря на вышесказанное, традиционная рыночная экономика являлась в реальности и воспринималась исследователями именно как рыночная экономика со всеми присущими ей атрибутами и признаками. В первую очередь

хочется отметить принцип самовозрастания ценности, согласно которому ценность готового продукта будет заведомо выше ценности отдельных производственных ресурсов, которые использовались при его создании (как известно, этот принцип порождает такие формы, как прибыль и добавленная стоимость). Как мы позже увидим, этот принцип открыто признавался, например, христианским Священным писанием. С точки зрения Вернера Зомбарта, наличие принципа самовозрастания ценности обусловлено той же «идеей пропитания» как главным мотивационным стимулом для реального производителя в традиционной рыночной экономике. Наличие в ней фактически непроизводительных (но общественно полезных и поэтому приемлемых социальных слоёв) априори подразумевает необходимость создания большего количества потребительских ценностей, чем количество, необходимое для «пропитания» самого реального производителя. Об этом же говорит и концепция Поланьи. Т. е. его принцип «взаимности» также предполагает необходимость материального избытка над простым суммированием затраченных производственных ресурсов. Это обусловлено тем, что принцип «взаимности» означает обязанность того же реального производителя по материальному обеспечению субъектов, входящих в поле соответствующих семейных отношений. Другим рыночным признаком традиционной экономики является принцип специализации, разделения труда. Конечно, эта специализация ещё не принимает глобального характера, но это мало что меняет. Наличие реального производства, торговли, сферы услуг означает, что традиционная экономика так же, как и современная, построена на основе обмена различными видами деятельности, что и является краеугольным камнем любого рыночного хозяйства. Распределение ресурсов и соответствующих доходов между секторами традиционного хозяйства и собственниками производственных ресурсов, конечно, отличалось от современного варианта, но это также ни в коей мере не отменяет рыночный характер такого хозяйства. Наконец, традиционная экономика не отрицала принцип собственности на производственные ресурсы. При том что доминирующей формой такой собственности являлась коллективная собственность (в промышленном цехе или сельскохозяйственной общине), вполне привычной уже была и частная собственность. Принцип «перераспределения», о котором писал Поланьи, также не меняет сути проблемы. Речь идёт об установленном праве социума или субъекта, его персонифицированно представляющего, на отчуждение части результата экономической деятельности реальных производителей. В конечном итоге это можно сравнить с современным бюджетным перераспределением через систему разнонаправленных налогов и трансфертов. В нашем случае, может быть, сомнения могут вызвать масштабы такой перераспределительной деятельности. На это можно возразить, что эти масштабы напрямую зависели от внешних (в основном природных, климатических, военных) условий. Чем менее экстремальны были эти условия, тем меньше были масштабы такого перераспределения. Так, необходимость обслуживания ирригационных систем порождала в древневосточных цивилизациях, несомненно, большие масштабы перераспределительной деятельности, чем, например, в античных и германских системах. Также можно привести в пример и более современную ситуацию, когда мировые войны XX в. делали пределы государственного перераспределения намного шире, чем в мирное время.

Несомненный антициклический характер традиционной рыночной экономики делает её актуальным объектом исследования в контексте поиска способов как минимум сгладить циклические колебания, а как максимум придать антициклической политике государства превентивный характер

Источники

1. Макконнелл К, Брю С. Экономикс. М. : Туран, 1996. 400 с.
2. Хейне П. Экономический образ мышления. М. : Новости, 1991. 704 с.
3. Millett K. (2021) On the meaning and contemporary significance of fascism in the writings of Karl Polanyi. Theor. Soc., 2021. DOI: https://doi.org/10.1007/s11186-020-09428-8
4. Haber S. (2017) Beyond Character: Werner Sombart, Max Weber and the Question of the Subjective Roots of Participation in Capitalism. Fudan J. Hum. Soc. Sci., no. 10, pp. 473–483.
5. Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. М. : АЙРИС ПРЕСС, 2004. 624 с.

6. Prisching M. (2015) Understanding inescapable modernization: Werner Sombart and Joseph Schumpeter. J. Evol. Econ., 2015, no. 25, pp. 185–196.
7. Athukorala W., Wilson, C. (2017) Distributional impacts of irrigation-induced agricultural development in a semi-subsistence economy: new evidence. Environ. Econ. Policy. Stud., 2017, no. 19, pp. 59–75.
8. Шафаревич И. Трехтысячилетняя загадка. М. : Алгоритм, 2005. 510 с.
9. Вебер М. Социология религии // Вебер М. Избранное. Образ общества. М. : Юрист, 1994. С. 78–309.
10. Теннис Ф. Общение и общество // Зомбарт В. Социология. М. : Едиториал УРСС, 2003. С. 59–66.
11. Lashov B. V. (2013) Northern ethnic groups and traditional economy. Reg. Res. Russ., 2013, no. 3, pp. 482–485.
12. Rosser J., Rosser M. (2005) The Transition between the Old and New Traditional Economies in India. Comp. Econ. Stud., 2005, no. 47, pp. 561–578.
13. Wu Y., Li X. (2021) International factor mobility and environment in a dual agricultural economy. Ann. Reg. Sci., 2021, no. 66, pp. 75–89.
14. Зомбарт В. Строй хозяйственной жизни // Зомбарт В. Избранные работы. М. : Территория будущего, 2005. С. 23–139.
15. Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб. : Алетейя, 2002. 320 с.
16. Mani D. (2021) Who controls the Indian economy: The role of families and communities in the Indian economy. Asia. Pac. J. Manag., 2021, no. 38, 121–149.
17. David S. (1997) Household economy and traditional agroforestry systems in western Kenya. Agriculture and Human Values, 1997, no. 14, pp. 169–179.
18. Сото Э., де. Загадка капитала. М. : Олимп бизнес, 2004. 272 с.

Информация об авторе

Орлянский Евгений Анатольевич
Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления персоналом. Омская гуманитарная академия (644105, РФ, г. Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а). ORCID ID: http://orcid.org/0000-0002-7940-3958. E-mail: orlyanskyea@mail.ru

E. A. Orlyansky[1]

[1]Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

Traditional market economy and its anti-cyclical potential in the assessments of researchers of the 19th and 20th centuries

Annotation. The article deals with the first stage of the market economic system - the traditional market economy. The traditional market economy is considered in the assessment of its main researchers. The main goal of the study is to identify the main characteristics and features of the traditional economy, which would explain the absence of pronounced cyclical elements in it. It is assumed that several essential elements of such an economy carry the strongest countercyclical potential. The article uses the methodology of comparative analysis, which will help to find common ground among the most famous researchers of the traditional market economy. The study of the traditional market economic system was carried out in the context of overcoming the stereotype of the closed development of economic processes and the impossibility of influencing them by non-economic factors. This is confirmed by the fact that most of the countercyclical elements of the traditional market economy are derived from the spiritual and ethical sphere. At the same time, an integral part of the article is the position that this economic system retains all the characteristic features of a market economy. The traditional market economy practically did not experience cyclical tendencies in its development. This was due to the fact that this economic system contained built-in elements that ensured the absence in the traditional economy of both cyclicality itself and periodic cyclical crises.

Keywords: economy, market economy, traditional market economy, economic system, cyclicality, “idea of food”, labor, spirituality, ethics.

Paper submitted: April 6, 2021.

For citation: Orlyansky E. A. (2021). Traditional market economy and its anti-cyclical potential in the assessments of researchers of the 19th and 20th centuries. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 15, no. 2, pp. 238–248. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2021.15.2.29.

References

1. Makkonnell K, Bryu S. (1996) Economics. Moscow, Turan Publ., 1996, 400 p. (In Russian).
2. Kheyne P. (1991) Economic Way of Thinking. Moscow, Novosti Publ., 1991, 704 p. (In Russian).
3. Millett K. (2021) On the meaning and contemporary significance of fascism in the writings of Karl Polanyi. Theor. Soc., 2021. DOI: https://doi.org/10.1007/s11186-020-09428-8 (In English).
4. Haber S. (2017) Beyond Character: Werner Sombart, Max Weber and the Question of the Subjective Roots of Participation in Capitalism. Fudan J. Hum. Soc. Sci., no. 10, pp. 473–483. (In English).
5. Sombart W. (2004) Bourgeois. Jews and economic life. Moscow, AYRIS PRESS Publ., 2004, 624 p. (In Russian).
6. Prisching M. (2015) Understanding inescapable modernization: Werner Sombart and Joseph Schumpeter. J. Evol. Econ., 2015, no. 25, pp. 185–196. (In English).
7. Athukorala W., Wilson, C. (2017) Distributional impacts of irrigation-induced agricultural development in a semi-subsistence economy: new evidence. Environ. Econ. Policy. Stud., 2017, no. 19, pp. 59–75. (In English).
8. Shafarevich I. (2005) The Three Millennial Mystery. Moscow: Algoritm Publ., 2005, 510 p. (in Russian).
9. Weber M. Sociology of religion. In: Weber M. Selected. Image of society. Moscow, Yurist Publ., 1994, pp. 78–309. (In Russian).
10. Tönnies F. (2003) Connections and society. In: Sombart W. Sociology. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. pp. 59–66. (In Russian).
11. Lashov B. V. (2013) Northern ethnic groups and traditional economy. Reg. Res. Russ., 2013, no. 3, pp. 482–485. (In English).
12. Rosser J., Rosser M. (2005) The Transition between the Old and New Traditional Economies in India. Comp. Econ. Stud., 2005, no. 47, pp. 561–578. (In English).
13. Wu Y., Li X. (2021) International factor mobility and environment in a dual agricultural economy. Ann. Reg. Sci., 2021, no. 66, pp. 75–89. (In English).
14. Sombart W. (2005) System of economic life Sombart W. Selected works. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2005, pp. 23–139. (in Russian).
15. Polanyi K. (2002) The Great Transformation Political and Economic foundations of our times. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2002, 320 p. (In Russian).
16. Mani D. (2021) Who controls the Indian economy: The role of families and communities in the Indian economy. Asia. Pac. J. Manag., 2021, no. 38, 121–149. (In English).
17. David S. (1997) Household economy and traditional agroforestry systems in western Kenya. Agriculture and Human Values, 1997, no. 14, pp. 169–179. (In English).
18. de Soto H. (2004) Mystery of Capital. Moscow, Olymp business Publ., 2004, 272 p. (In Russian).

Information about the author

Evgeny A. Orlyansky
Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor. Omsk Humanitarian Academy (2a 4th Cheluskintsev St., Omsk, 644105, Russian Federation). ORCID ID: http://orcid.org/0000-0002-7940-3958. E-mail: orlyanskyea@mail.ru

© Е. А. Орлянский, 2021